

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
20 August 2015
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Сообщение № 2022/2011

**Соображения, принятые Комитетом на его 113-й сессии
(16 марта – 2 апреля 2015 года)**

<i>Представлено:</i>	Нурой Хамулич и Халимой Ходжич (представлены адвокатом от Организации по борьбе с безнаказанностью)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы сообщения и Хусейн Хамулич (сын Нуры Хамулич и брат Халимы Ходжич)
<i>Государство-участник:</i>	Босния и Герцеговина
<i>Дата сообщения:</i>	18 ноября 2010 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение Специального докладчика в соответствии с правилом 97, препровожденное государству-участнику 7 января 2011 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия соображений:</i>	30 марта 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	насильственное исчезновение и эффективные средства правовой защиты
<i>Процедурный вопрос:</i>	отсутствуют
<i>Вопросы существа:</i>	право на жизнь; запрещение пыток и других форм неправомерного обращения; свобода и личная неприкосновенность; право на гуманное обращение и уважение достоинства; признание правосубъектности; и право на эффективное средство правовой защиты
<i>Статьи Пакта:</i>	пункт 3 статьи 2, статьи 6, 7, 9 и 16
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	2

GE.15-13641 (EXT)

* 1 5 1 3 6 4 1 *

Просьба отправить на вторичную переработку

Приложение

Соображения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (113-я сессия)

относительно

Сообщения № 2022/2011 *

<i>Представлено:</i>	Нурой Хамулич и Халимой Ходжич (представлены адвокатом от Организации по борьбе с безнаказанностью)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы сообщения и Хусейн Хамулич (сын Нуры Хамулич и брат Халимы Ходжич)
<i>Государство-участник:</i>	Босния и Герцеговина
<i>Дата сообщения:</i>	18 ноября 2010 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 30 марта 2015 года,

завершив рассмотрение сообщения № 2022/2011, представленного ему
Нурой Хамулич и Халимой Ходжич в соответствии с Факультативным протоко-
лом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению всю письменную информацию, предоставленную ему
авторами сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщения являются Нура Хамулич и Халима Ходжич, пред-
ставившие сообщение от своего собственного имени и от имени Хусейна Хаму-
лича, сына г-жи Хамулич и брата г-жи Ходжич. Авторы и г-н Хамулич, являю-
щиеся гражданами Боснии и Герцеговины, родились, соответственно, 14 апреля

* В рассмотрении данного сообщения принимали участие следующие члены Комитета:
Ядх Бен Ашур, Лазхари Бузид, Сара Кливленд, Оливье де Фрувиль, Юдзи Ивасава,
Ивана Елич, Дункан Лаки Мухумуза, Фотини Пазарцис, Мауро Полити, сэр Найджел
Родли, Виктор Мануэль Родригес-Ресия, Фабиан Омар Сальвиоли, Дируджлалл
Ситулсингх, Аня Зайберт-Фор, Юваль Шани, Константин Вардзелашвили и Марго
Ватервал. Тексты особого мнения члена Комитета Ани Зайберт-Фор (совпадающего)
и особого мнения членов Комитета Оливье де Фрувиля, Мауро Полити, Виктора
Мануэля Родригес-Ресии, а также Фабиана Омара Сальвиоли (частично
несовпадающего) содержатся в добавлении к настоящим Соображениям.

1927 года, 15 марта 1956 года и 2 июля 1968 года. Авторы утверждают, что государство-участник нарушило права г-на Хамулича по статьям 6, 7, 9 и 16, рассматриваемым в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта. Они утверждают также, что государство-участник нарушило их права по статье 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта. Авторы представлены адвокатом. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 1 июня 1995 года.

Факты в изложении авторов

2.1 Соответствующие события произошли в период вооруженного конфликта между боснийскими правительственными силами, с одной стороны, и силами боснийских сербов и Югославской народной армией, с другой стороны, результатом конфликта стала независимость Боснии и Герцеговины. Конфликт характеризовался этническими чистками и другими зверствами, в ходе которых были убиты, помещены в концентрационные лагеря и бесследно пропали тысячи человек¹. Несколько случаев исчезновения произошло на территории Боснийской Краины в период с мая по август 1992 года, в частности в районе Приедора, где находится деревня Хамбарине².

2.2 Авторы проживали в деревне Хамбарине. 20 июня 1992 года военнослужащие Югославской народной армии и члены военизированных групп прибыли в деревню и окружили дом семьи Хамулич. В нем находились г-жа Хамулич, ее муж, г-жа Ходжич, Хусейн Хамулич и другой брат Мустафа Хамулич. Поскольку военнослужащие задержали Мустафу, Хусейн спрятался за домом семьи, а затем убежал в окружающий Хамбарине лес. Три человека, Т.Х., С.Р. и И.Х., также скрывавшиеся в лесу, были последними, кто видел Хусейна живым. Чтобы не вызывать подозрений, он и трое других решили разойтись. Судьба и местонахождение Хусейна остаются неизвестными. Авторы утверждают, что в то время этот район находился под контролем Югославской народной армии и что Хусейн попал в руки ее военнослужащих.

2.3 Авторы оставались в своем доме более двух недель. После этого они переехали в деревню Травник. Спустя семь дней г-жа Ходжич вместе со своими детьми отправилась в Словению, а позже – в Финляндию. Г-жа Хамулич и ее муж оставались в Травнике на протяжении шести месяцев. Муж г-жи Хамулич сообщил об исчезновении своих сыновей Мустафы и Хусейна в местное отделение Международного комитета Красного Креста (МККК). Впоследствии г-жа Хамулич и ее муж воссоединились с г-жой Ходжич в Финляндии, где г-жа Хамулич и ее муж также обращались в МККК по поводу исчезновения своих сыновей.

¹ Авторы ссылаются на доклад, представленный членом Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям Манфредом Новаком о специальной процедуре в отношении пропавших без вести лиц на территории бывшей Югославии (см. E/CN.4/1996/36, пункты 22, 49–60, 67–68, 85 и 88).

² Авторы ссылаются на приложения I–V к окончательному докладу комиссии экспертов, созданной в соответствии с резолюцией 780 (1992) Совета Безопасности (S/1994/674/Add.2 (vol. I)).

2.4 Вооруженный конфликт закончился в декабре 1995 года, когда вступило в силу Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине³.

2.5 После возвращения в Хамбарине 1 сентября 2004 года авторы и другие члены их семьи представили анкету с прижизненными данными Хусейна и Мустафы в МККК, Ассоциацию Красного Креста Боснии и Герцеговины и организацию Красного Креста Федерации Боснии и Герцеговины, а также сдали образцы ДНК, чтобы облегчить процедуру идентификации останков, эксгумированных местными судебными экспертами. Останки Мустафы были обнаружены в массовом захоронении в Кевляни и эксгумированы в 2004 году. Они были захоронены на кладбище в Хамбарине.

2.6 1 ноября 2007 года авторы получили от Федеральной комиссии по вопросам пропавших без вести лиц справку о том, что Хусейн Хамулич был зарегистрирован в качестве пропавшего без вести лица с 20 июля 1992 года и что данная информация основана на сведениях, полученных от ответственных за это лиц, МККК, заключенных и членов семьи, а также из других источников. Авторы утверждают, что, хотя власти были осведомлены об исчезновении г-на Хамулича и имели доступ к соответствующей информации, не было проведено никакого предусмотренного их обязанностями оперативного, тщательного, беспристрастного, независимого и эффективного расследования в целях его обнаружения, выяснения его судьбы и местонахождения, а в случае его смерти – установления местонахождения, эксгумации, идентификации и возвращения семье его останков.

2.7 19 ноября 2007 года г-жа Хамулич обратилась в административную службу Департамента по делам ветеранов и защите инвалидов в Приедоре с ходатайством о назначении пенсии по инвалидности в соответствии с Законом о защите гражданских жертв войны и статьей 190 Закона об административной процедуре на основании смерти ее сына Мустафы и исчезновения ее второго сына Хусейна.

2.8 4 марта 2008 года г-жа Хамулич обратилась в Комиссию по правам человека Конституционного суда Боснии и Герцеговины с заявлением о нарушении статей 3 (запрещение пыток) и 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также пунктов 3 b) и 3 f) статьи II Конституции Боснии и Герцеговины. Конституционный суд постановил объединить несколько заявлений, поданных родственниками лиц, пропавших без вести, и в соответствии с этим рассматривал их в рамках одного коллективного дела.

2.9 13 мая 2008 года Конституционный суд вынес решение о том, что заявители по коллективному делу освобождаются от требования в отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты в судах общей юрисдикции, поскольку «как представляется, в Боснии и Герцеговине отсутствует эффективно функционирующее специализированное учреждение, занимающееся вопросам насильственных исчезновений»⁴. Суд признал также факт нарушения статей 3 и 8 Европейской конвенции по причине отсутствия сведений о судьбе исчез-

³ В соответствии с Соглашением, Босния и Герцеговина состоит из двух единиц: Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской. Округ Брчко был официально создан 8 марта 2000 года под исключительным суверенитетом государства и международным контролем.

⁴ Авторы ссылаются на решения Конституционного суда по делам *М.Х. и др.* (дело № AP-129/04), 27 мая 2005 года, пункты 37–40, и *Фатима Хасич и др.* (дело № AP-95/07), 29 мая 2008 года.

нувших родственников заявителей, в том числе судьбе Хусейна Хамулича. Суд потребовал от соответствующих боснийских органов власти предоставить «всю доступную и имеющуюся информацию о членах семей заявителей, которые пропали без вести во время войны, в срочном и безотлагательном порядке и не позднее чем через 30 дней после даты получения решения». Суд также распорядился о том, чтобы органы власти обеспечили оперативную работу учреждений, созданных в соответствии с Законом о пропавших без вести лицах, а именно Института по делам пропавших без вести лиц, Фонда поддержки семей лиц, пропавших без вести в Боснии и Герцеговине, и Центрального реестра лиц, пропавших без вести в Боснии и Герцеговине, в срочном и безотлагательном порядке и не позднее чем через 30 дней с даты вынесения распоряжения суда». Компетентным органам предлагалось в течение шести месяцев предоставить Конституционному суду информацию о мерах, принятых во исполнение этого решения.

2.10 Конституционный суд не принял решения по вопросу о компенсации, посчитав, что он охватывается положениями Закона о пропавших без вести лицах, касающимися финансовой поддержки, и созданием Фонда поддержки семей лиц, пропавших без вести в Боснии и Герцеговине. Авторы утверждают, однако, что положения о финансовой поддержке не были осуществлены и что Фонд до сих пор не создан.

2.11 22 сентября 2008 года вслед за решением Конституционного суда Институт по делам пропавших без вести лиц направил г-же Хамулич письмо, в котором указывалось, что ее сын был зарегистрирован Институтом и МККК в качестве пропавшего без вести лица и что Институт предпринимает усилия по выяснению его судьбы совместно с Государственной прокуратурой, министерством внутренних дел и органами безопасности. Авторы указывают на то, что Институт не предоставил никакой информации о действиях и мерах, предпринятых в целях установления судьбы и местонахождения Хусейна и привлечения к судебной ответственности и наказания виновных в его исчезновении.

2.12 Предельные сроки, установленные в решении Конституционного суда, истекли, а соответствующие учреждения не предоставили никаких сведений о судьбе и местонахождении жертв и не направили Суду никакой информации о мерах, принятых во исполнение его решения. Авторы утверждают, что, хотя г-жа Хамулич неоднократно письменно обращалась в различные учреждения, на момент представления сообщения Комитету она не получила никаких дополнительных сведений от Института или какого-либо другого органа, участвующего в работе по розыску и выяснению судьбы и местонахождения пропавших без вести лиц.

2.13 27 января 2009 года административная служба Департамента по делам ветеранов и защите инвалидов в Приедоре назначила г-же Хамулич ежемесячную пенсию по инвалидности в размере 140 марок⁵. Право на получение ежемесячной пенсии было предоставлено начиная с 1 октября 2007 года. Авторы утверждают, что такая пенсия является одной из форм социальной поддержки и не может заменить собой принятие надлежащих мер возмещения за грубые нарушения прав человека, которому подверглись авторы и их родственник.

2.14 18 августа 2010 года г-жа Хамулич обратилась в Конституционный суд и просила его в соответствии со статьей 74.6 его правил процедуры принять постановление, указав на невыполнение властями его решения от 13 мая

⁵ По информации авторов, данная сумма эквивалентна 70 евро.

2008 года. Тем не менее на момент представления сообщения Комитету она не получила никакого ответа от Суда, а властями не было предпринято никаких действий.

2.15 Что касается требования, предусмотренного в пункте 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, то, по мнению авторов, эффективного средства правовой защиты не было и, как признал сам Конституционный суд, г-жа Хамулич и другие заявители «не имели в своем распоряжении эффективного и надлежащего средства правовой защиты для обеспечения своих прав»⁶. С учетом положений пункта 4 статьи VI Конституции государства-участника решение Конституционного суда от 13 мая 2008 года должно считаться окончательным и имеющим обязательную силу. По этой причине у авторов нет никаких других подлежащих исчерпанию эффективных средств правовой защиты. По поводу г-жи Ходжич авторы утверждают, что, хотя она официально и не подавала заявления в Суд, но сопровождала и поддерживала свою мать, совершая от ее лица все процессуальные действия; что ее мать была бы не в состоянии участвовать в судебном разбирательстве без ее поддержки, поскольку является неграмотной; что было бы неразумно предлагать ей повторить судебное разбирательство, через которое уже прошла ее мать; и что Конституционный суд не усмотрел наличия каких-либо эффективных средств правовой защиты.

2.16 По вопросу о приемлемости сообщения *ratione temporis* авторы заявляют, что, хотя указанные события произошли до вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, насильственное исчезновение само по себе является длящимся нарушением нескольких прав человека⁷, которое продолжается и совершается, пока не будет установлено местонахождение жертвы. В их случае национальные органы власти, в том числе Конституционный суд, признали Хусейна Хамулича пропавшим без вести лицом. Тем не менее его судьба и местонахождение до сих пор не установлены. Кроме того, органы власти не выполнили решение Конституционного суда от 13 мая 2008 года, а прокуратура не приняла никаких мер в целях наказания лиц, ответственных за его невыполнение.

Жалоба

3.1 Авторы сообщения утверждают, что Хусейн Хамулич подвергся насильственному исчезновению, совершенному военнослужащими Югославской народной армии, что насильственные исчезновения по своему характеру явля-

⁶ Авторы ссылаются на решение Конституционного суда по делу *М.Х. и др.* (см. сноску 4), пункт 37.

⁷ Авторы ссылаются на практику международных судов и органов, а также на статью 14.2 проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятого Комиссией международного права на ее пятьдесят третьей сессии и содержащегося в приложении к резолюции 56/83 Генеральной Ассамблеи. См., в частности, решение Большой палаты Европейского суда по правам человека по делу *Варнава и др. против Турции* от 18 сентября 2009 года, пункты 136–148; решение Межамериканского суда по правам человека по делу *Гойбуру и др. против Парагвая* от 22 сентября 2006 года, серия С, № 153; решение Межамериканского суда по правам человека по делу *Радиля Пачеко против Мексики* от 23 ноября 2009 года, серия С, № 209, пункты 23–24; замечание общего порядка № 9 (2010) Рабочей группы по насильственным и недобровольным исчезновениям о насильственном исчезновении как длящемся преступлении; Международную конвенцию для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, пункт 1 статьи 8; и сообщение № 400/1990, *Монако де Галлицио против Аргентины*, Сообщения, принятые 3 апреля 1995 года, пункт 10.4.

ются множественными преступлениями и что в его случае это является нарушением статей 6, 7, 9 и 16, рассматриваемых в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта. Авторы указывают, что судьба и местонахождение Хусейна остаются неизвестными начиная с 20 июля 1992 года и что его исчезновение произошло в условиях широкомасштабных и систематических нападений, направленных против гражданского населения. Тот факт, что его в последний раз видели живым в лесу рядом с Хамбарине, в районе, находящемся под контролем Югославской народной армии и военизированных групп, совершавших акты этнических чисток, позволяет сделать вывод о том, что он был поставлен в положение, чреватое серьезной опасностью причинения непоправимого вреда его личной неприкосновенности и жизни.

3.2 Несмотря на свои усилия, авторы не получили никаких значимых сведений о причинах и обстоятельствах исчезновения г-на Хамулича. Они отмечают, что, хотя они сообщали о его исчезновении учреждениям, занимающимся делами пропавших без вести лиц в государстве-участнике, и хотя власти, таким образом, имели доступ к значимой информации по его делу, для установления его судьбы и местонахождения не было проведено предусмотренного их полномочиями оперативного, беспристрастного, тщательного и независимого расследования; что, если он умер, его останки не были обнаружены, эксгумированы, идентифицированы или возвращены его близким; и что ни одно лицо не было привлечено к ответственности, не стало фигурантом расследования и не было осуждено в связи с его насильственным исчезновением.

3.3 Государство-участник несет ответственность за расследование всех случаев насильственного исчезновения и за предоставление информации о местонахождении пропавших без вести лиц. В этой связи авторы ссылаются на доклад Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям, в котором говорится, что основная ответственность за осуществление этих функций лежит на органах, под юрисдикцией которых находятся предполагаемые места массовых захоронений⁸. Кроме того, авторы утверждают, что государство-участник обязано проводить ex officio оперативные, беспристрастные, тщательные и независимые расследования таких грубых нарушений прав человека, как насильственные исчезновения, акты пыток или произвольные убийства. Обязанность проводить расследование распространяется также на случаи убийств или другие затрагивающие осуществление прав человека деяния, которые нельзя отнести на счет государства. В таких случаях обязанность проводить расследование вытекает из обязательства государства защищать всех находящихся под его юрисдикцией лиц от актов, совершаемых отдельными лицами или группами лиц, которые могут препятствовать осуществлению их прав человека⁹.

⁸ Новак, доклад о специальной процедуре в отношении пропавших без вести лиц на территории бывшей Югославии (см сноску 1, пункт 78).

⁹ См. замечание общего порядка № 31 (2004) Комитета по правам человека о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, пункт 8. См. также решение Межамериканского суда по правам человека по делу *Читай Неч и др. против Гватемалы* от 25 мая 2010 года, серия С, № 212, пункт 89; решение Межамериканского суда по правам человека по делу *Веласкес Родригес против Гондураса* от 29 июля 1988 года, серия С, № 4, пункт 172; решение Европейского суда по правам человека по делу *Демиррей против Турции*, заявление № 27308/95, от 21 ноября 2000 года, пункт 50; решение Европейского суда по правам человека по делу *Танрикулу против Турции*, заявление № 23763/94,

3.4 Авторы ссылаются на юридическую практику Комитета, в соответствии с которой государство-участник несет основную обязанность за принятие надлежащих мер для защиты жизни того или иного лица¹⁰. В случае насильственного исчезновения государство-участник обязано провести расследование и предать виновных правосудию. В свете обстоятельств исчезновения г-на Хамулича авторы считают, что неспособность государства-участника провести эффективное и тщательное расследование в связи с настоящим делом (см. пункты 3.1 и 3.2 выше) представляет собой нарушение права г-на Хамулича на жизнь, что противоречит статье 6, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.5 Авторы также напоминают о юридической практике Комитета, в соответствии с которой насильственное исчезновение само по себе является своего рода пыткой¹¹, и отмечают, что государством-участником до сих пор не проведено никакого расследования, для того чтобы установить личности, привлечь к ответственности, подвергнуть суду и наказать ответственных по рассматриваемому делу. Таким образом, исчезновение Хусейна равнозначно обращению, противоречащему статье 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.6 Кроме того, были нарушены права г-на Хамулича по статье 9 Пакта. Обстоятельства его исчезновения (см. пункт 3.1 выше) позволяют обоснованно предположить, что он был захвачен военнослужащими Югославской народной армии. Вместе с тем его задержание не было зарегистрировано ни в одном официальном протоколе или реестре, а его родственники с тех пор его так и не видели. Он не был обвинен в совершении какого-либо преступления и не был доставлен к судье или какому-либо другому лицу, по закону уполномоченному выполнять судебные функции. Он не мог обратиться в суд, чтобы оспорить законность своего задержания. Поскольку государство-участник не представило никаких пояснений и не предприняло усилий в целях установления его судьбы, по мнению авторов, налицо факт нарушения статьи 9, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.7 Авторы ссылаются на юридическую практику Комитета, в соответствии с которой насильственное исчезновение может представлять собой отказ признать правосубъектность жертвы, если это лицо находилось в руках властей государства-участника в момент, когда его видели в последний раз, а его родственникам систематически отказывали в доступе к эффективным средствам правовой защиты¹². В данном случае непроведение властями государства-участника расследования лишает г-на Хамулича защиты закона с июля 1992 года. Следовательно, государство-участник несет ответственность за про-

от 8 июля 1999 года, пункт 103; и решение Европейского суда по правам человека по делу *Эрги против Турции*, заявление № 23818/94, от 28 июля 1998 года, пункт 82.

¹⁰ Сообщение № 84/1981, *Дермит Барбато против Уругвая*, Соображения, принятые 21 октября 1982 года, пункт 10.

¹¹ Сообщения № 449/1991, *Моджика против Доминиканской Республики*, Соображения, принятые 10 августа 1994 года, пункт 5.7; № 1327/2004, *Гриуа против Алжира*, Соображения, принятые 16 августа 2007 года, пункт 7.6; и № 1495/2006, *Зохра Мадуи против Алжира*, Соображения, принятые 1 декабря 2008 года, пункт 7.4.

¹² Сообщения № 1495/2006, *Зохра Мадуи против Алжира*, Соображения, принятые 1 декабря 2008 года, пункт 7.7; № 1327/2004, *Гриуа против Алжира*, Соображения, принятые 16 августа 2007 года, пункт 7.9.

должающееся нарушение статьи 16, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.8 Факт задержания г-на Хамулича не был признан властями, что лишает его доступа к эффективным средствам правовой защиты. Несмотря на свои усилия, авторы не получили никаких значимых сведений о причинах и обстоятельствах исчезновения своего родственника, а государством-участником не было проведено никакого расследования на этот счет (см. пункт 3.2 выше). Их усилиям систематически чинились препятствия. Кроме того, Конституционный суд констатировал отсутствие специализированного учреждения, которое было бы в состоянии осуществлять эффективное и тщательное расследование в отношении лиц, пропавших без вести в ходе вооруженного конфликта. В этой связи авторы утверждают, что государство-участник нарушило права г-на Хамулича по статьям 6, 7, 9 и 16, рассматриваемым в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.9 Авторы также утверждают, что они сами являются жертвами нарушения государством-участником статьи 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта. Они перенесли сильную душевную боль и страдания в результате насильственного исчезновения своего родственника, а также действий и бездействия со стороны властей при выяснении этих вопросов на протяжении 20 лет. Несмотря на их усилия, судьба и местонахождение их родственника до сих пор неизвестны, а его останки, если он умер, не были возвращены семье, что усиливает у них чувство отчаяния и разочарования, поскольку они не в состоянии надлежащим образом его похоронить. Они направляли запросы в различные учреждения, но так и не получили никаких достоверных сведений. Авторы отмечают, что власти не выполнили решение Конституционного суда от 13 мая 2008 года и положения Закона о пропавших без вести лицах (в частности, касающиеся создания Фонда), лишив тем самым семьи пропавших без вести лиц надлежащего возмещения. С учетом вышеизложенного, безразличное отношение властей государства-участника к их просьбам представляет собой бесчеловечное обращение.

3.10 Авторы просят Комитет рекомендовать государству-участнику принять следующие меры: а) распорядиться о незамедлительном проведении независимого расследования в отношении судьбы и местонахождения их родственника и, в случае подтверждения факта его смерти, найти, эксгумировать и идентифицировать его останки и обеспечить уважительное обращение с ними, а также вернуть их семье; б) передать виновных в руки компетентных гражданских властей в целях судебного преследования, вынесения приговора и назначения наказания, а также предать огласке результаты этой работы; в) обеспечить предоставление авторам полного возмещения, а также незамедлительной, справедливой и адекватной компенсации; и d) обеспечить, чтобы меры возмещения включали в себя возмещение материального и морального вреда, а также меры реституции, реабилитации, компенсации и гарантии неповторения. В частности, они требуют, чтобы государство-участник публично признало свою международную ответственность на публичной церемонии в присутствии авторов, а также представителей органов власти, чтобы авторам были принесены официальные извинения и чтобы государство-участник назвало улицу либо установило памятник или мемориальную доску в Хамбарине в память обо всех жертвах насильственных исчезновений в период вооруженного конфликта и операциях по этническим чисткам в деревне. Государству-участнику следует также безотлагательно предоставить авторам бесплатную медицинскую и психологическую помощь в государственных специализированных учреждениях и, в случае необходимости, гарантировать им доступ к бесплатной юридической помо-

щи в целях предоставления им доступных, эффективных и достаточных средств правовой защиты. В качестве гарантии неповторения государству-участнику следует как можно скорее разработать учебные программы по вопросам международных норм в области прав человека и международного гуманитарного права для всех военнослужащих, сотрудников сил безопасности и судебных органов.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 Вербальной нотой от 25 марта 2011 года государство-участник представило свои замечания по вопросу о приемлемости и по существу сообщения. Оно ссылается на нормативно-правовую базу, которая была введена с декабря 1995 года в целях уголовного преследования за военные преступления в послевоенный период. Оно заявляет, что в декабре 2008 года была принята национальная стратегия в отношении военных преступлений, предусматривающая завершение уголовного преследования лиц, виновных в наиболее тяжких военных преступлениях, в течение семи лет с момента принятия стратегии, а преследования лиц, виновных в других военных преступлениях – в течение 15 лет. Государство-участник также упоминает о принятии Закона о пропавших без вести лицах 2004 года, в соответствии с которым в целях улучшения процесса отслеживания пропавших без вести лиц и идентификации останков предусматривается создание Института по делам пропавших без вести лиц. Оно напоминает, что из примерно 32 000 человек, пропавших без вести во время военных действий, были обнаружены останки 23 000 человек, а останки 21 000 человек были идентифицированы.

4.2 В апреле 2009 года Институт по делам пропавших без вести лиц открыл региональное отделение в Источно-Сараево, а также местное отделение и организационные подразделения в Сараево. Государство-участник считает, что эти инициативы создают условия для ускорения и повышения эффективности процесса поиска исчезнувших лиц на территории Боснийской Краины, включая Приедор. Его следователи ежедневно работают на местах и занимаются сбором информации о возможных массовых захоронениях и установлением контактов со свидетелями. Начиная с 1998 года в этом регионе, в том числе в муниципалитете Приедор, где, вероятно, могут быть обнаружены останки г-на Хамулича, было эксгумировано 721 захоронение и еще 48 других захоронений были эксгумированы повторно. Государство-участник также информирует Комитет о том, что к моменту представления его замечаний Институт направил в прокуратуру два ходатайства об эксгумации останков из захоронения в Хамабрине-Копицы.

4.3 Как утверждает государство-участник, по сведениям муниципалитета Приедор, авторы не направляли ему никакого ходатайства и по этой причине у него нет никакой информации по данному делу. Аналогичным образом, никакой информации в отношении данного дела нет и у Генерального прокурора Республики Сербской.

Комментарии авторов по замечаниям государства-участника

5.1 Авторы представили свои комментарии по замечаниям государства-участника 12 мая 2011 года. Они ссылаются на замечание общего порядка Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям о насильственном исчезновении как длящемся преступлении и, в частности, на его пункты 1, 2, 7 и 8. По их мнению, государство-участник в своих замеча-

ниях не высказывает возражений против приемлемости сообщения и в основном признает существо сформулированных в нем утверждений. Кроме того, авторы считают, что эти замечания подтверждают их утверждение, согласно которому г-н Хамулич до сих пор зарегистрирован в качестве «неустановленного» пропавшего без вести лица, и заявляют, что в онлайн-поисковой системе, созданной Международной комиссией по пропавшим без вести лицам, не было обнаружено никаких соответствий. Таким образом, процесс отслеживания до сих пор не завершен и по-прежнему является предметом ответственности боснийских властей, которые обязаны установить его судьбу и местонахождение; в случае смерти г-на Хамулича – обеспечить поиск и обнаружение его останков, уважительное обращение с ними и их возвращение его родственникам; сообщить последним достоверную информацию об обстоятельствах его насильственного исчезновения и о ходе и результатах расследования судьбы близкого им человека; и гарантировать им возмещение за продолжающиеся нарушения.

5.2 Авторы заявляют, что сотрудники регионального отделения Института по делам пропавших без вести лиц в Источно и местного отделения в Сараево, упомянутых государством-участником, не связывались ни с одним из них и ни с кем из очевидцев событий, приведших к насильственному исчезновению г-на Хамулича; при этом они полагают, что могли бы предоставить этим органам информацию, имеющую отношение к его розыскам¹³. Они также указывают, что государство-участник в своих замечаниях делает общие ссылки на существование массовых захоронений без точной информации относительно места возможного обнаружения останков их родственника. Если у Института имеются достоверные сведения, в соответствии с которыми в захоронениях в Хамбарине-Копицы могут быть обнаружены останки г-на Хамулича, то авторов следует незамедлительно проинформировать об этом и привлечь ко всем действиям в рамках процесса обнаружения, эксгумации и идентификации останков.

5.3 Кроме того, авторы утверждают, что большое число военных преступлений, все еще требующих расследования, не освобождает государство-участник от обязанности проводить оперативное, беспристрастное, независимое и тщательное расследование дел, касающихся грубых нарушений прав человека, или от обязанности регулярно информировать родственников жертв о ходе и результатах таких расследований. Хотя насильственное исчезновение г-на Хамулича было сразу же доведено до сведения различных органов власти, с авторами не поддерживалась связь и их обращения не получали никакого отклика. В этой связи авторы вновь подчеркивают, что родственники жертв насильственных исчезновений должны активно участвовать в проведении расследований. В частности, им должна регулярно предоставляться информация о ходе расследований и их результатах, а также о возможности проведения судебных разбирательств¹⁴.

¹³ Авторы ссылаются доклад о передовой практике в вопросе о пропавших без вести лицах, подготовленный редакционной группой Консультативного комитета в отношении пропавших без вести лиц (A/HRC/AC/6/2, пункты 53, 56 и 80–97), и замечание общего порядка Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям о праве на установление истины в связи с насильственным исчезновением, в частности, на пункт 4.

¹⁴ Авторы ссылаются на замечание общего порядка Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям о праве на установление истины в связи

5.4 Авторы считают, что осуществление национальной стратегии в отношении военных преступлений обеспечивается не в полной мере и не может приводиться государством-участником в качестве достаточных мер реагирования в связи с отсутствием информации о ходе и результатах проводимых расследований и не может оправдывать бездействие соответствующих органов власти. Кроме того, авторы утверждают, что принятие стратегии в отношении правосудия переходного периода не может заменить собой доступ к правосудию и получение возмещения для жертв грубых нарушений прав человека и их родственников.

5.5 В связи с упоминанием государством-участником Закона о пропавших без вести лицах авторы вновь указывают на то, что спустя несколько лет после его вступления в силу некоторые из его ключевых положений, в том числе касающиеся создания Фонда, так и не были выполнены. Кроме того, как отметил ряд международных учреждений, создания Фонда не будет достаточно для того, чтобы гарантировать предоставление полноценного возмещения родственникам пропавших без вести лиц¹⁵.

Дополнительные замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

6.1 4 июля, а также 11 и 17 августа 2011 года государство-участник предоставило дополнительную информацию и повторило свои замечания, подчеркнув важную роль усилий, предпринимаемых для установления судьбы и местонахождения всех лиц, пропавших без вести в Боснии и Герцеговине, в том числе в муниципалитете Приедор. Его возможностей, однако, до сих пор недостаточно для завершения всех остающихся на рассмотрении дел за короткий период времени. Государство-участник также отметило, что никаких значимых изменений по делу г-на Хамулича не произошло. Генеральная прокуратура Республики Сербской сообщила, что канцелярия заместителя Генерального прокурора в Приедоре не возбуждала никакого дела по его случаю и заявлениям авторов. Аналогичным образом, Генеральная прокуратура Боснии и Герцеговины отметила, что среди зарегистрированных ею дел о военных преступлениях дело об исчезновении г-на Хамулича не числится. Не значит он в них и в качестве жертвы.

6.2 Что касается аргумента авторов, согласно которому они не получили никаких сведений о ходе рассмотрения дела г-на Хамулича, государство-участник отмечает, что Генеральная прокуратура создала центральную базу данных обо всех находящихся на рассмотрении делах о военных преступлениях, предусмотренную национальной стратегией в отношении преследования за военные преступления.

6.3 Государство-участник сообщает, что Закон об определении и порядке урегулирования внутреннего долга Республики Сербской¹⁶ устанавливает полномочия судов и других органов власти и регулирует процедуры в отношении предоставления компенсации за материальный и нематериальный ущерб по делам о пропавших без вести лицах. Кроме того, правительство Республики

с насильственным исчезновением, пункт 3, и доклад Рабочей группы о ее миссии в Боснию и Герцеговину (см. A/HRC/16/48/Add.1, пункты 34 и 63–64).

¹⁵ Авторы ссылаются на заключительные замечания Комитета против пыток по Боснии и Герцеговине (см. CAT/C/ВІН/СО/2-5, пункт 18) и доклад Рабочей группы о ее миссии в Боснию и Герцеговину (см. A/HRC/16/48/Add.1, пункты 39–48).

¹⁶ Формулировка названия закона, представленная государством-участником.

Сербской приняло меры, направленные на ускорение процесса розыска пропавших без вести лиц.

6.4 В письме от 7 июля 2011 года Институт по делам пропавших без вести лиц сообщил, что он предпринимает усилия к розыску пропавших без вести лиц на территории Боснийской Краины и что в будущем он свяжется с родственниками г-на Хамулича, чтобы сообщить им дальнейшую информацию по его делу.

Дополнительная информация, предоставленная авторами

7.1 9 сентября 2011 года авторы предоставили дополнительную информацию Комитету. По их мнению, в дополнительных замечаниях государства-участника не приводится никакой существенной информации относительно приемлемости и существа их сообщения. Кроме того, его замечания свидетельствуют о том, что власти государства-участника не располагают никакой значимой информацией, которая могла бы помочь в выяснении судьбы и местонахождения г-на Хамулича или содержала конкретные указания на принимаемые ими меры для выполнения обязательств, предусмотренных в Пакте. Напротив, власти признают наличие существенных недостатков, в частности, в процессе выявления лиц, ответственных за его исчезновение, проведения в отношении их расследования, вынесения судебных решений и привлечения их к ответственности.

7.2 Авторы вновь повторяют свои замечания по поводу недостаточного выполнения Закона о пропавших без вести лицах, хотя он вступил в силу 17 ноября 2004 года. Соответствующий Фонд на момент представления дополнительной информации Комитету так и не был создан.

Вопросы и процесс их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен согласно правилу 93 своих правил процедуры принять решение о том, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом.

8.2 В соответствии с требованиями пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с какой-либо другой процедурой международного разбирательства или урегулирования и что авторы исчерпали все доступные внутренние средства правовой защиты.

8.3 Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает приемлемости сообщения, и считает утверждения авторов, касающиеся нарушений прав г-на Хамулича по статьям 6, 7, 9 и 16, рассматриваемым в совокупности с пунктом 3 статьи 2, а также нарушений прав авторов по статье 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, достаточно обоснованными для целей приемлемости. Поэтому Комитет объявляет сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 Комитет рассмотрел дело с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 Комитет принимает во внимание утверждения авторов о том, что 20 июля 1992 года г-н Хамулич скрылся в лесу, окружающем Хамбарине, где его в последний раз видели живым; что этот район находился под контролем Югославской народной армии и военизированных групп, которые совершали акты этнической чистки; что исчезновение произошло в условиях широкомасштабных и систематических нападений, направленных против гражданского населения; и что, исходя из этого, можно обоснованно предположить, что в июле 1992 года г-н Хамулич подвергся насильственному исчезновению вооруженными силами. Государством-участником не было проведено предусмотренное его обязанностями оперативное, беспристрастное, тщательное и независимое расследование в целях выяснения судьбы и местонахождения г-на Хамулича и привлечения к ответственности виновных. В этой связи Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, в соответствии с которым непринятие государством-участником мер по расследованию утверждений о нарушениях и привлечению к судебной ответственности виновных в определенных нарушениях (в частности, пытках и сходном с ними жестоким, бесчеловечном или унижающем достоинство обращении, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях, а также насильственных исчезновениях) само по себе может составлять отдельное нарушение Пакта.

9.3 Авторы не утверждают, что государство-участник несет прямую ответственность за насильственное исчезновение их, соответственно, сына и брата. Напротив, авторы заявляют, что исчезновение было вызвано действовавшими на территории государства-участника силами Югославской народной армии. Комитет отмечает, что термин «насильственное исчезновение» может употребляться в более широком смысле, означая не только исчезновения, которые могут быть вменены в вину государству-участнику, но и исчезновения, инициированные силами, которые независимы от государства-участника или враждебны ему¹⁷. Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривает квалификацию этих событий как насильственное исчезновение.

9.4 Комитет принимает к сведению предоставленную государством-участником информацию о том, что в целом им предпринимаются немалые усилия, если учесть, что во время конфликта произошло 30 000 насильственных исчезновений. Следует отметить, что согласно выводу Конституционного суда власти несут ответственность за расследование исчезновения родственников заявителей, в том числе г-на Хамулича (см. пункт 2.9 выше), и были созданы внутренние механизмы для рассмотрения дел о насильственных исчезновениях и других военных преступлениях (см. пункт 4.2 выше).

9.5 Без ограничения действительного обязательства государств-участников расследовать все аспекты насильственного исчезновения, в том числе предавать суду виновных, Комитет признает конкретные трудности, с которыми может

¹⁷ Ср. пункт 2 i) статьи 7 Римского статута Международного уголовного суда (в котором определение насильственного исчезновения включает в себя исчезновения, совершенные политической организацией) и статьи 2 и 3 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (в которых проводится различие между насильственным исчезновением, совершенным государствами или лицами или группами лиц, действующими с их разрешения, при поддержке или с согласия, и аналогичными актами, совершенными лицами или группами лиц, действующими без такого разрешения, поддержки или согласия). См также сообщение № 1956/2010, *Дурич против Боснии и Герцеговины*, Соображения, принятые 16 июля 2014 года, пункт 9.3.

сталкиваться государство-участник при расследовании преступлений, возможно совершенных на его территории враждебными силами иностранного государства. Поэтому, признавая тяжесть преступлений исчезновения и страдания авторов, поскольку судьба и местонахождение их пропавшего сына и брата до сих пор остаются невыясненными, а виновные все еще не привлечены к правосудию, Комитет не считает этот факт сам по себе достаточным для того, чтобы сделать вывод о нарушении пункта 3 статьи 2 Пакта в конкретных обстоятельствах настоящего сообщения.

9.6 Вместе с тем авторы утверждают, что на момент подачи их сообщения, т.е. спустя более 18 лет после предполагаемого исчезновения их родственника и более двух лет после вынесения решения Конституционным судом 13 мая 2008 года, следственные органы не связались с ними для получения информации относительно исчезновения г-на Хамулича. 18 августа 2010 года авторы обратились в Конституционный суд и ходатайствовали о вынесении постановления, указывающего, что органы власти не смогли обеспечить выполнение его решения от 13 мая 2008 года. Несмотря на это Конституционный суд не принял никакого решения, а властями не было предпринято никаких действий по делу г-на Хамулича. Государство-участник предоставило общую информацию о своих усилиях по выяснению судьбы и местонахождения пропавших без вести лиц и привлечению к ответственности виновных. Вместе с тем оно не предоставило авторам или Комитету конкретной и значимой информации по поводу мер, принимаемых в целях установления судьбы и местонахождения г-на Хамулича и обнаружения его останков в том случае, если он умер. Кроме того, Комитет отмечает, что власти предоставили авторам крайне скудную и общую информацию по делу, касающемуся их родственника. Комитет считает, что органы, расследующие случаи насильственных исчезновений, обязаны своевременно предоставлять семьям возможность сообщить следствию имеющиеся у них сведения, а также без промедления доводить до семей информацию о ходе расследования. Он также принимает к сведению душевную боль и страдания, причиняемые авторам постоянной неопределенностью в результате исчезновения их родственника. Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статей 6, 7 и 9, рассматриваемых в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, в отношении г-на Хамулича и статьи 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, в отношении авторов.

9.7 В свете приведенных выше выводов Комитет не будет проводить отдельного рассмотрения утверждений авторов, затрагивающих статью 16, рассматриваемую в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта¹⁸.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что государство-участник нарушило статьи 6, 7 и 9, рассматриваемые в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, в отношении г-на Хамулича и статью 7, рассматриваемую отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, в отношении авторов.

11. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить авторам эффективное средство правовой защиты, в том числе: а) активизировать проведение им расследования в целях установления судьбы и местонахождения г-на Хамулича, как того требует Закон 2004 года о пропавших без вести лицах, и обеспечить в самое ближайшее время установление его следователями контакта с авторами для получения от них информации, с тем

¹⁸ См. *Селимович и др. против Боснии и Герцеговины*, пункт 12.8.

чтобы они могли содействовать расследованию; b) активизировать свои усилия в целях привлечения к ответственности лиц, виновных в его исчезновении без неоправданных задержек, как того требует национальная стратегия в отношении военных преступлений; и c) предоставить авторам эффективное возмещение, включая адекватную компенсацию и надлежащие меры, способные удовлетворить соответствующие претензии. Государство-участник также обязано предотвращать подобные нарушения в будущем и, в частности, должно обеспечить семьям пропавших без вести лиц доступ к материалам расследований по утверждениям о случаях насильственных исчезновений.

12. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем, находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять, в случае установления факта нарушения, эффективные средства правовой защиты, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых во исполнение настоящих Соображений. Комитет также просит государство-участник опубликовать настоящие Соображения и обеспечить их широкое распространение на трех официальных языках государства-участника.

Добавление I

Особое мнение члена Комитета Ани Зайберт-Фор (совпадающее)

1. Основной вопрос в рамках настоящего дела заключается в том, в какой степени Босния и Герцеговина несет ответственность за недостаточное предоставление средств правовой защиты в ответ на насильственное исчезновение, которое авторы сообщения не вменяют в вину государству-участнику. Комитет пришел к выводу о нарушении статей 6, 7 и 9, рассматриваемых в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, в отношении г-на Хамулича и статьи 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, в отношении авторов. Выражаю согласие с этим выводом, который согласуется с ранее вынесенными Комитетом соображениями. Мне хотелось бы отдельно пояснить правовые причины, по которым является необоснованной дополнительная жалоба авторов по статье 16, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

2. Согласно пункту 3 а) статьи 2 каждое государство-участник обязуется обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективное средство правовой защиты. В соответствии с давно сложившейся юридической практикой Комитета пункт 3 статьи 2 не устанавливает самостоятельного независимого права, и отдельные лица могут ссылаться на него исключительно в совокупности с другими статьями Пакта^а. Для этого требуется доказуемое, хорошо обоснованное утверждение о нарушении какого-либо основного права^б. Таким образом, автору сообщения, в котором утверждается о нарушении пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 16 Пакта, необходимо обосновать жалобу в отношении соответствующего государства-участника исходя из статьи 16 или каким-либо другим образом установить связь между этой статьей и государством-участником.

3. При рассмотрении настоящего случая авторы просили Комитет сделать вывод о том, что государство-участник нарушило обязательство обеспечить эффективное средство правовой защиты в связи с нарушением статьи 16 Пакта. Они не утверждали, что ответственность за насильственное исчезновение г-на Хамулича лежит на Боснии и Герцеговине, а винили в этом враждебные ей вооруженные силы. В отсутствие других доводов в пользу причастности государства-участника к исчезновению авторы не обосновали своих утверждений о том, что государство-участник нарушило статью 16, рассматриваемую в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

4. В случае утверждений, затрагивающих статьи 6, 7 и 9, дело обстоит иначе. Право на жизнь, запрещение пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, а также право на свободу и безопасность личности требуют принятия позитивных мер защиты независимо от того, имеет ли государство-участник отношение к совершенному злодеянию. В статье 7 подразумевается, что государства-участники должны принимать позитивные меры, для того чтобы частные лица или негосударственные образования не подвергались пыткам или жестокому, бесчеловечному или уни-

^а См. *С.Э. против Аргентины*, сообщение № 275/88, пункт 5.3.

^б См. *Казантцис против Кипра*, сообщение № 972/2001, пункт 6.6.

жающему достоинство обращению или наказанию других подвластных им лиц^c. По своей природе данное обязательство отличается от предусмотренного статьей 16, которая обязывает государства-участники гарантировать право на признание правосубъектности лица. Тот факт, что насильственное исчезновение произошло на территории государства, не означает, что государство-участник нарушило статью 16, если исчезновение нельзя вменить ему в вину, а также не дает достаточных оснований для установления нарушения статьи 16, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта^d.

5. Хотелось бы подчеркнуть, что данный вывод полностью согласуется с правовой оценкой исчезновения г-на Хамулича. В пункте 9.3 своих Соображений Комитет поясняет, что термин «насильственное исчезновение» может употребляться в более широком смысле, означая не только исчезновения, которые могут быть вменены в вину государству-участнику, но и исчезновения, инициированные силами, которые независимы от государства-участника или враждебны ему. Было бы ошибкой заключить на этом основании, что любое подобное исчезновение автоматически влечет за собой ответственность государства за нарушение статьи 16 независимо от того, кому оно вменяется в вину, и при отсутствии других доводов в пользу причастности государства-участника к исчезновению. То, что совершенное по отношению к жертве злодеяние может быть охарактеризовано как насильственное исчезновение, не означает автоматической ответственности государства-участника по статье 16 и не создает дополнительных обязательств по обеспечению эффективных средств правовой защиты в соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

6. С учетом вышеизложенных причин я бы предпочла пояснить, что утверждение по статье 16, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2, является необоснованным. Однако я признаю, что Комитет не без оснований решил не затрагивать данный вопрос при рассмотрении этого и предыдущих дел. Хотелось бы подчеркнуть, что Комитет никоим образом не руководствовался при этом соображениями экономии усилий и не оставил без внимания крайне серьезный характер насильственного исчезновения как одного из самых отвратительных нарушений прав человека, а также необходимость эффективной защиты жертв насильственных исчезновений и их семей. Выводы о нарушении статей 6, 7 и 9, рассматриваемых в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, в отношении г-на Хамулича, и статьи 7, рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, в отношении авторов были сделаны Комитетом как раз с учетом настоятельной необходимости принимать эффективные меры в ответ на любое подобное преступление, совершенное на территории государства. Таким образом, позиция Комитета свидетельствует о глубоком уважении к страданиям и тяжелейшим переживаниям, причиненным г-ну Хамуличу и его родственникам.

7. Как пояснялось мною выше, выводы Комитета, в которых основное внимание уделяется статьям 6, 7 и 9, не означают принципиального отказа жертвам насильственных исчезновений в защите по статье 16, и в Соображениях Комитета не отрицается значительная ценность права на признание правосубъектности лица. Они основаны на тщательном анализе Пакта и, в частности, статьи 16, в ходе которого принимаются во внимание конкретные особенности дела и должным образом учитывается вопрос о присвоении деяния. Роль Комите-

^c См. замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, пункт 8.

^d См. *Фатима Ризванович и Рувейда Ризванович против Боснии и Герцеговины*, сообщение № 1997/2010, добавление.

та заключается в том, чтобы отдельно рассмотреть каждое сообщение исходя из положений Пакта и определить, позволяют ли фактические обстоятельства сделать вывод о нарушении Пакта государством-участником, а не в том, чтобы воспользоваться общими представлениями или сделать типовые выводы на основании того или иного понятия, не закрепленного в Пакте^е. Руководствуясь этим подходом, Комитет сделал вывод о нарушении права на признание правосубъектности лица в отношении ряда других дел о насильственных исчезновениях, действительно совершенных соответствующими государственными органами власти, и я уверена в том, что он будет и в дальнейшем поступать таким же образом в тех случаях, когда подобные утверждения будут обоснованными.

^е См. *Тахар Мохамед Абуфайед против Ливии*, сообщение № 1781/2008, добавление II.

Добавление II

Особое мнение членов Комитета г-на Оливье де Фрувиля, Мауро Полити, Виктора Мануэля Родригес-Ресии и Фабиана Омара Сальвиоли (частично несовпадающее)

1. В пункте 9.7 своих Соображений Комитет принял решение не проводить отдельного рассмотрения утверждений авторов, затрагивающих статью 16, рассматриваемую в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта. Представляется, что Комитет стремится применить принцип экономии средств: «В свете приведенных выше выводов Комитет не будет проводить отдельного рассмотрения». Иными словами, он полагает, что существо выдвигаемых авторами утверждений уже было принято во внимание Комитетом при рассмотрении им выполнения государством-участником статей 6, 7 и 9 Пакта, которые, как отмечено в пункте 9.6, были нарушены. Это, однако, не прослеживается при изучении выводов авторов, которые ссылаются на статью 16 не в качестве вспомогательного аргумента, а, напротив, в связи с отдельной жалобой, а также утверждают о нарушении статьи 16, ссылаясь на юридическую практику самого Комитета по другим делам о насильственных исчезновениях^а. Оснований для применения принципа экономии средств, таким образом, не было.

2. Вместе с тем именно существо решения Комитета представляется нам заслуживающим критики: с одной стороны, Комитет признает, что рассматриваемые события подпадают под определение «насильственного исчезновения» (см. пункт 9.3), а с другой стороны, ему не представляется необходимым выносить решение по предполагаемому нарушению статьи 16, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2. По нашему мнению, однако, эти два утверждения не могут быть справедливыми одновременно, поскольку с нашей точки зрения любое насильственное исчезновение неизбежно влечет за собой нарушение статьи 16.

3. В статье 16 вновь подтверждается право каждого человека «на признание его правосубъектности». На основании подготовительных материалов для Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах можно сделать вывод о том, что под «правосубъектностью» подразумевается не только способность лиц совершать акты, предполагающая признание права заключать договора и ответственности по договорам, но скорее факт признания любого лица в качестве субъекта прав и носителя индивидуальных прав и обязанностей^б. В этой связи статья 16, без всякого сомнения, представляет собой одну из наиболее недвусмысленных формулировок принципа уважения достоинства человеческой личности в международных нормах в области прав человека: право на признание правосубъектности вытекает

^а Авторы ссылаются на сообщения № 1495/2006, *Зохра Мадуи против Алжира*, 1 декабря 2008 года, пункт 7.7, и № 1327/2004, *Гриуа против Алжира*, 16 августа 2007 года, пункт 7.9.

^б Albert Verdoodt, «Naissance et signification de la Déclaration universelle des droits de l'homme» (Louvain-Paris, Société d'études morales, sociales et juridiques, Editions Nauwelaerts, 1964), pp. 108–111. Manfred Nowak, *United Nations Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary* (Kehl, N.P. Engel, 1993), pp. 282–283.

из самого факта принадлежности к человечеству, даже невзирая на то, признается ли правоспособность лица (так, младенцы имеют право на правосубъектность, даже обладая ограниченной правоспособностью, вследствие чего они не пользуются всеми правами). Однако, как подчеркивает Рабочая группа по насильственным или недобровольным исчезновениям, насильственные исчезновения являются ярким примером нарушения права на признание правосубъектности^c. В своем первом докладе Рабочая группа высказала мнение о том, что практика насильственных исчезновений нарушает, в числе прочих, и это право, и с тех пор не изменила этой позиции (см. E/CN.4/1435, пункт 184). В Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений эта связь признается в пункте 2 статьи 1: «Любой акт насильственного исчезновения ставит лиц, подвергшихся такому акту, вне защиты закона. [...] Он является нарушением норм международного права, гарантирующих, в частности, право на признание правосубъектности личности».

4. Действительно, Комитет в течение некоторого времени, судя по всему, не желал уделять внимание данному аспекту. Лишь в 2007 году он при рассмотрении выводов заявителя принял решение признать нарушение статьи 16 в связи с насильственным исчезновением^d. Затем, два года спустя, на этом основании было вынесено решение Межамериканского суда по правам человека по делу *Ансальдо-Кастро против Перу*^e. Именно в целях поощрения и развития этой тенденции в юридической практике Рабочая группа в 2011 году решила принять замечание общего порядка по вопросу о праве на признание правосубъектности личности в контексте насильственных исчезновений. В пунктах 1 и 2 замечания общего порядка Рабочая группа проводит параллель между правом на признание правосубъектности личности и одним из существенных признаков насильственных исчезновений, т.е. тем, что лицо ставится «вне защиты закона»:

Это означает, что не только отрицается задержание и/или скрывается судьба или местонахождение лица, но и то, что, будучи лишенным свободы, это лицо лишается любого права по закону и оказывается в состоянии правовой неопределенности, в полной беззащитности.

Насильственные исчезновения влекут за собой отрицание правосубъектности исчезнувшего лица и вследствие этого не позволяют ему пользоваться всеми другими правами человека и свободами. Исчезнувшее лицо может сохранять свое имя, по меньшей мере, в тех случаях, когда рождение зарегистрировано (и за исключением случаев, когда данные о подлинной личности детей, которых отобрали у родителей, подделываются, скрываются или уничтожаются), но оно не учитывается в сведениях о задержанных; отсутствует это имя и в книге регистрации актов смерти. Исчезнувшее лицо де-факто лишается своего места жительства. Его имущество замораживается в состоянии правовой неопределенности, поскольку никто, даже ближайшие родственники, не может распорядиться этим наследственным имуществом, пока не выяснится, что исчезнувшее лицо является живым, или пока оно не будет объявлено мертвым, т.е. «не обладающим правосубъектностью».

^c Замечание общего порядка по вопросу о праве на признание правосубъектности личности в контексте насильственных исчезновений, пункт 42.

^d Сообщения № 1328/2004, *Кимуш против Алжира*, и № 1327/2004, *Гриуа против Алжира*, 10 июля 2007 года, пункты 7.8 и 7.9.

^e Межамериканский суд по правам человека, серия С, № 202, решение от 22 сентября 2009 года, пункты 90–91.

5. Оставление лица без защиты закона является ключевым элементом, отличающим насильственное исчезновение от некоторых форм лишения свободы, когда право третьего лица на получение информации о задержании нередко значительно ограничивается. Статьи 18, 19 и 20 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений призваны разъяснить нормы, регулирующие данное право на получение информации третьими сторонами, устанавливая тем самым общие рамки для своего рода хабеас дата. В частности, пункт 1 статьи 20 гласит следующее:

Только в тех случаях, когда лицо находится под защитой закона и когда лишение свободы контролируется судебным органом, право на получение сведений, предусмотренных в статье 18, может в виде исключения ограничиваться, исключительно в тех случаях, когда этого требует ситуация и когда это предусмотрено законом, и если передача этих сведений наносит ущерб частной жизни или безопасности соответствующего лица или мешает надлежащему проведению уголовного расследования, или же в силу других аналогичных причин, предусмотренных законом, и в соответствии с применимыми нормами международного права и целями настоящей Конвенции. Ни при каких обстоятельствах эти ограничения в отношении права на получение сведений, предусмотренных в статье 18, не могут допускаться, если они представляют собой поведение, определенное в статье 2, или нарушение пункта 1 статьи 17. 2. Без ущерба для рассмотрения законности лишения свободы какого-либо лица государство-участник гарантирует лицам, указанным в пункте 1 статьи 18, право на оперативное и эффективное средство судебной защиты для получения в короткий срок информации, упомянутой в пункте 1 статьи 18. Это право на правовую защиту не может приостанавливаться или ограничиваться ни при каких обстоятельствах.

6. В этом и заключается гордиев узел Конвенции: как увязать между собой возникающую в некоторых случаях необходимость ограничения доступа к сведениям, касающимся лишения свободы лица, и вызванного этим отказа в предоставлении таких сведений с императивным принципом сохранения защиты закона в отношении этого лица. Эта дилемма свидетельствует о важнейшей роли такого существенного признака, как «оставление лица без защиты закона». Нарушение статьи 20, т.е. полный отказ в праве на получение сведений, представляет собой на практике отрицание самого существования исчезнувшего лица как субъекта права.

7. Соответственно, если лишение свободы расценивается как насильственное исчезновение, то это равнозначно утверждению о том, что лицо в период такого лишения свободы лишено защиты закона. Со стороны о таком лишении защиты можно судить по полному отказу в праве на получение сведений, чаще всего выражающемуся в отрицании факта лишения свободы или, как минимум, в «сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица» (Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, статья 2).

8. В связи с таким отрицанием или отказом в предоставлении сведений лица фактически становятся «не обладающими правосубъектностью», низводятся до положения предмета в руках властей и лишаются возможности выступать в качестве субъектов права, что является характерным признаком нарушения статьи 16 Пакта.

9. Поэтому нам кажется нелогичным, когда Комитет заявляет, что лишение свободы может расцениваться в качестве насильственного исчезновения, и одновременно воздерживается от вывода о нарушении статьи 16.

10. Тот факт, что в данном случае насильственное исчезновение не вменяется в вину государству-участнику, никоим образом не меняет данного вывода. Действительно, утверждается, что ответственность за исчезновение может быть возложена на «враждебные силы иностранного государства», действовавшие на территории государства-участника. Однако в данном случае речь идет о невыполнении государством-участником своих процессуальных обязанностей по статье 2. Насильственное исчезновение играет роль катализатора ответственности государства-участника, однако такая ответственность наступает в силу непринятия им мер по обеспечению членов семьи пропавшего без вести лица эффективным средством правовой защиты. Формулировка, принятая Комитетом в пункте 10 его Соображений, без всякого сомнения может вводить в заблуждение, поскольку, по его мнению, имеющиеся факты свидетельствуют о нарушении статей 6, 7 и 9, рассматриваемых в совокупности с пунктом 3 статьи 2. На самом же деле предметом нарушения является как раз пункт 3 статьи 2, рассматриваемый в совокупности со всеми другими статьями, которые были нарушены в результате насильственного исчезновения (6, 7, 9 и 16). Мы полагаем, что Комитету следовало сформулировать пункт 10 своих Соображений именно таким образом.
